

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторник 4 октября 1881
22 сентября

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie** и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 номера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 номера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: *rédaçtion du journal «LA PAROLE LIBRE»* Poste-restante, **Eaux-Vives, Genève.**

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Артишокъ вѣнскихъ государственныхъ людей и князь Миланъ Сербскій. — 2) По поводу поклоненія генералу Игнатьеву на Балканскомъ полуостровѣ. — 3) Учрежденіе «личной охраны». — 4) Слухъ о преобразованіи газеты «Русь». — 5) Гарантии благонамѣренности «Голоса». — 6) Смугное пятно о нашей газетѣ лондонскаго «Times»'а. — 7) Историческая Польша и великорусская демократія, VI, *М. Драгоманова*. — 8) Открытое письмо къ редактору «Вольнаго Слова» *праздославнаго* славянина изъ Босніи. — 9) Какъ лгутъ на русскую эмиграцію. — 10) Письма о рабочемъ движеніи, VI: *Винниці препятствія развитію и росту рабочихъ организаций. Усилія реакціи въ Германіи образованъ изъ разныхъ народныхъ элементовъ противостоятъ социальной демократіи. Разныя проявленія популярности послѣдней въ средѣ промышленнаго пролетаріата*. — 11) Сообщеніе международному конгрессу общества литераторовъ, сдѣланное редакторами украинскаго обзорія «Громады». — 12) Открытое письмо *М. П. Драгоманова*, къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей». — 13) Извѣстія и заглавія: арестъ председателя и секретаря социалистическаго конгресса въ Барселонѣ; предложеніе «Staatsocialist»'а; большинство федеральнаго суда Швейцаріи и мнѣніе судьи изъ Фрибурга, г. Бруа; № 3 «Чернаго Передѣла»; сообщеніе «Agence Rasse» по поводу конвенціи о выдачѣ политическихъ агитаторовъ; требованіе бернскаго муниципалитета. — 14) Опечатки.

Женева, 4 октября.

Газеты всехъ странъ и народовъ не успѣли еще обсудить все обстоятельства и все послѣдствія свиданія двухъ императоровъ въ Данцигѣ, какъ уже разошлись слухъ о новомъ императорскомъ свиданіи въ Границѣ (станція варшавско-вѣнской желѣзной дороги) или въ Варшавѣ, которое должно показать міру, что между правителями Россіи и Австріи существуетъ столь же полная гармонія, какъ и та, которая была заявлена данцигскою встрѣчею. Съ другой стороны, король Италіи

собирается посѣтить вѣнскій и берлинскій дворы; король Испаніи встрѣчается съ королемъ Португаліи; свадебныя празднества въ Карлсруэ соединили шведскую династію съ двумя германскими; престарѣлый императоръ Вильгельмъ круглый годъ принимаетъ посѣщенія своихъ царственныхъ вассаловъ или самъ объѣзжаетъ ихъ; князь Миланъ Сербскій почти не выѣзжаетъ изъ Австріи...

Никогда кажется главы государствъ не были такъ дѣятельны въ своихъ стараніяхъ о поддержаніи мира и согласія между народами.

Очень вѣроятно, что эти старанія предотвращаютъ въ данную минуту грозящія опасности столкновенія; нельзя сказать, однако, чтобы они успѣвали сглаживать существующія противорѣчія, чтобы имъ удавалось прочно сближать и примирять народы.

Борьба сѣверо-африканскихъ племенъ съ французами затрогиваетъ національные интересы и возбуждаетъ національныя страсти всехъ средиземныхъ народовъ и Англіи; еще сложнѣе и опаснѣе національные антагонизмы въ Египтѣ; никакія внутреннія заботы не могутъ заставить Францію или Германію забыть, что каждая изъ нихъ въ ближайшемъ сосѣдѣ имѣетъ непримиримаго врага; назвать народы Турціи значило бы перечислить борющіеся между собою элементы; но главнымъ поприщемъ и главнымъ двигателемъ народныхъ распрій слѣдуетъ признать Австро-Венгрію.

Внутри ся, десять народовъ живутъ въ постоянной, ежечасной борьбѣ, напрягая все силы для защиты своего національнаго существованія или для расширенія его на счетъ другихъ. Вѣнское правительство безпрестанно вступаетъ въ соглашенія съ

той или другою народностью, дѣлаетъ уступки и отбрасываетъ ихъ назадъ, часто возбуждаетъ одну народность противъ другой и опирается на каждую изъ нихъ попеременно, чтобы всехъ ихъ держать въ повиновеніи. Ту же непробованную на опытѣ политику вносить оно и на балканскій полуостровъ, куда ему, какъ будто нарочно, открыли дорогу возстаніе югославянъ и русскія побѣды.

Балканскій полуостровъ представляется вѣнскимъ государственнымъ людямъ въ видѣ огромнаго артишока, поглощать который можно только листокъ за листкомъ. Графу Андраши удалось сорвать первый листокъ—Боснію-Герцеговину; баронъ Гаймерле схватилъ въ руки другой—Сербію.

Боснія-Герцеговина досталась вѣнскому кабинету по рѣшенію дипломатовъ, собравшихся за зеленымъ столомъ около германскаго капцлера въ Берлинѣ и имѣвшихъ такое же право дарить эту мученическую и героическую страну, какъ если бы имъ вздумалось дарить птицу лѣтящую по небу. Сербіею Австрія фактически овладѣла собственною силою или, лучше сказать, собственною хитростію. Въ этомъ маленькомъ государствѣ, граждане котораго, можетъ быть, полны недостатковъ, но и полны несомнѣннаго, горячаго патриотизма, нашелся человѣкъ, согласившійся, за тридцать серебрянниковъ, предать свое отечество: это былъ глава государства, это былъ самъ князь сербскій!

Онъ продалъ страну чужеземцу, не изъ страха передъ войскомъ, угрожавшимъ его резиденціи, какъ это сдѣлалъ бей тунисскій, и не изъ какого либо увлеченія; онъ сдѣлалъ это изъ разсчета, движимый однимъ побужденіемъ—доставить себѣ большія удобства жизни.

Сербія, дѣйствительно, маленькая и не-

богатая страна, а князь Милант парижанин по воспитанию и тонкому вкусу; роскошь и жизнь на большую ногу необходимы для его натуры. Даже во время последней войны, когда в порыве патриотизма, все государственные чиновники, от министра до последнего писаря, отказались от большей части своего жалования, для увеличения средств обороны страны от неприятеля, грозившего ей разрушением, князь Милант одним составил исключение: он не только продолжал получать всю назначенную на его содержание сумму, но и... (верить этому было бы невозможно, если бы мы не знали это из неопровержимого источника) *брал из государственной казны, на личные расходы, сбережения из жалования своих чиновников!*

Кто, бывший во время войны в Сербии, не помнит как сербским солдатам не доставало пороха, чтобы отбиваться от турок, потому что запасы пороха были нужны для княжеской охоты: тонкий знаток и страстный любитель всякого спорта, князь Милант занимался потреблением дичи в то время, как турки рвали его дурако-вооруженных солдат...

Расточительность истощает всякие средства; несмотря на значительное личное состояние и на все законные и незаконные доходы, князь Милант в прошлом году, пришел в очень стесненное положение. Тогда он в первый раз поехал „лечиться“ в Илль (летняя резиденция австрийского императора) и возвратился оттуда, не только с тем же цветущим здоровьем, как и до поездки, но и с поправленными финансами.

С тех пор, князь Сербский не перестает ездить в Илль и в Вьну, не перестает лечиться и охотиться в Австрии. С этих поездок изменились не одни личные дела князя; изменилось совершенно и положение княжества.

В то время, как князь Милант наслаждался жизнью, княжеством управляла железною рукою „сербский Бисмарк“, Ристич, управлял страной самовольно, всегда действуя жестко и иногда жестоко, но отстаивая независимость страны от Австрии. Для захвата Сербии, венскому правительству прежде всего нужно было уничтожить первую преграду, нужно было свергнуть Ристича. И вот, назначивший его и удерживавший князь, расточавший ему знаки милости, входит в заговор против своего министра с министром соседней и враждебной

державы. Заговор удастся, Ристич свержен; терпеливый от его самовластия народ предается радости. В Сербию вводится псевдолиберальная, мелникова эра. Но вскоре раскрывается истинное значение события.

При конкурсе на сербскую железную дорогу, русская и русско-бельгийско-французская компании, предлагавшие весьма выгодные для страны условия, устраняются правительством и дорога отдается австрийской „Staatsbahn“, т. е. венскому правительству. Австрийские инженеры и рабочие, австрийские чиновники и торговцы, все эти культуртрегеры набросались на Сербию как на завоеванную страну, и простой народ, т. е. почти все население княжества, почувствовал себя одновременно пораженным в своих материальных и в своих национальных интересах. С самого утверждения австрийского протектората, в Сербии образовалось подземное течение, которое стало проявляться наружу только когда успело охватить всю страну. Течение это, ныне уже явное, так сильно и неустойчиво, что князь готов жертвовать, чтобы остановить его, одним или всеми министрами. Но, повидимому, это уже очень трудно. Последняя поездка князя в Австрию, совершенно необъяснимая после его недавнего оттуда возвращения, его личное поведение во время оной, поступление его в члены венского жокей-клуба и вообще его угодливость и полное отсутствие достоинства относительно австрийской аристократии, к которой он как бы желает принадлежать, — все это уронило его окончательно в глазах его народа. Он сам подрывает уважение к своему трону, как личными поступками, так и явным неуважением к народной церкви, самой могущественной силе в стране. Сербам невольно вспоминают, что только несчастный случай (смерть князя Михаила) привел к ним Милана и что только патристическое желание не нарушать правильного хода дел заставляло их довольствоваться этой случайностью.

Мы думаем, что патристизм требует от сербов и ныне воздержания от нелегальных перемен: общее положение Европы им вовсе неблагоприятно. Но мы в прав надеяться, что предстоящее свидание между монархами России и Австро-Венгрии, долженствующее упрочить, на некоторое время, мир на балканском полуострове, будет иметь последствием

и устранение грозившей ему опасности в Сербии. Если князь Милант и должен оставаться некоторое время на троне Сербии, за невозможностью согласиться теперь же на замену его другим лицом, то все таки некоторое удовлетворение может быть дано народу княжества, освобождением его от излишней экономической эксплуатации и предоставлением ему большей самостоятельности. Не сомневаемся, что русское общество отнесется сочувственно к сближению русского и австрийского правительств, если оно повлечет за собою улучшение положения освобожденной нами Сербии.

В интересе предотвращения династической перемены в Сербии и международных затруднений в Европе, было бы весьма желательно, чтобы, самыми авторитетными лицами, было сделано князю Милану внушение — соотносить свои действия с занимаемым им положением и стараться, по крайней мере, чувствовать себя более главою сербского государства, нежели членом венского жокей-клуба.

Письмо болгарина из Пловдива, напечатанное нами в № 5, вызвало отголосок из среды другой национальности, отаивающей на Балканском полуострове свое право на существование. Босняк из Сараева удивляется, что могут быть болгары, недовольные своим положением и сверх того позволяющие себе драть упрёки освободившим их русским. Мы не нашли в письме болгарина из Пловдива, правдиво и просто излагающего положение дела в независимой части Болгарии, ни малейшего упрека тому народу, который пролил свою кровь за освобождение родственного народа; но болгарина из Пловдива не могли не поразить беззакония и насилья пшца Баттенберга и его дружины, набранной из служилого люда в России. Не только сожаление, но и негодование его по поводу разного рода безобразий, чинимых этою дружиною над болгарам, должно быть разделяемо каждым истинно русским из народа, из среды не принадлежащей к разряду правительствующих хищников.

Что касается до поклонения генералу Игнатеву, никогда не отличавшемуся на боевом поприще, то оно вполне понятно в балканском славянстве, коль скоро смотреть на бывшего русского дипломата в Константинополе сквозь призму С. Стефанского договора, не давая себе труда проверить, на сколько этот договор представляет действительно справедливое разграничение национальных вопросов на Балканском полуострове и на сколько его мог бы отстоять на Берлинском конгрессе сам генерал Игнатев, если бы

верховная власть въ Россіи на отрѣзъ от-казала ему, какъ двумъ другимъ послан-нымъ ею на конгрессъ дипломатамъ, въ поддержкѣ вооруженною силою всей стра-ны, т. е. не рѣшилась бы окончательно раззорить послѣднюю въ неравной борь-бѣ съ державами, заинтересованными въ разрѣшеніи восточнаго вопроса не въ томъ смыслѣ, какъ предлагалось с. стефанскимъ договоромъ.

Разсчесть на услуги дипломатовъ — оши-бочный расчесть, когда хотить устроить дѣло народнаго освобожденія. Надо раз-считывать на себя самихъ — и ни на кого боже. Ожидать же движенія воды у ис-точника русской чиновничьей администра-ции — даже и не ошибка, а слѣдствіе невни-манія къ тому, что дѣлается въ Россіи, непростительное незнаніе. Какъ можетъ освобождать рука, налагающая оковы на своихъ близкихъ? Какъ можно надѣяться на искренность освободительной политики человѣка, съ именемъ котораго соединяет-ся *узаконеніе* административнаго произво-ла на его роднѣ, объявленіе двухъ столицъ имперіи и цѣлаго южнорусскаго населенія стоящими внѣ общихъ для государства законовъ, — того, кто прибѣгаетъ къ наси-лію надъ свободою слова, какъ къ ultima ratio для доказательства благости управ-ленія народомъ „милостію божіей“!

УЧРЕЖДЕНИЕ „ЛИЧНОЙ ОХРАНЫ“

Мы получили изъ Петербурга слѣду-ющее сообщеніе объ учрежденіи „лич-ной охраны“, имѣющее особый интересъ въ виду разнорѣчныхъ, ходившихъ объ этомъ за границею, слуховъ:

Въ тотъ день, вѣроятно, когда Вы получите эти строки, въ Правительствен-номъ Вѣстникѣ появится положеніе о лич-ной охранѣ Е. В. Государя Императора.

Главные пункты его слѣдующіе:

1, Во главѣ Охраны будетъ поставленъ Главнокомандующій Главною квартирой, который назначается посредствомъ высочайшаго указа Правительствующему Се-нату.

2, Всѣ вѣдомства и учрежденія должны слѣдовать указаніямъ Начальника Охраны, на сколько они касаются безопасности особы его величества.

3, Начальникъ охраны непосредственно подчиненъ государю императору, и дѣ-лаетъ с. в. прямые доклады.

4, Власти, получившія извѣстія о заго-ворахъ противъ государства или особы г. и., обязаны немедленно сообщить оныя начальнику охраны.

5, Начальникъ охраны издастъ подчи-неннымъ ему властямъ инструкціи по сво-ему благоусмотрѣнію.

6, Къ начальнику охраны прикоманди-ровываются по его желанію чины военна-

го, морскаго и гражданскаго вѣдомствъ.
7, Кромѣ этихъ прикомандированныхъ чиновъ, начальнику охраны подвѣдомствен-ны слѣдующія части:

а, Отдѣленіе почетнаго конвоя гвардей-ской пѣхоты.

б, Отдѣленіе дворцовой полиціи.

с, Секретная часть.

д, Жельзнодорожная часть *).

Намъ пишутъ изъ Москвы, что газета „Русь“ въ скоромъ времени станетъ выхо-дить ежедневно; по слухамъ, вмѣстѣ съ этимъ, изданіе ея переносится въ Петер-бургъ.

Намъ сообщаютъ изъ Петербурга, что А. А. Краевскій продолжалъ неутомимо хлопотать о снѣтѣ съ „Голоса“ постигну-шей его кары; министерство внутреннихъ дѣлъ, по видимому, не противно этому въ принципѣ, но требуетъ отъ редактора-изда-теля „Голоса“ *гарантій* благонамѣренности его будущаго направленія; г. Краевскій указываетъ, какъ на такую, на произведен-ное имъ прекращеніе газеты г. Модестова, какъ только выяснилось, что ея направле-ніе было непротивно министерству.

Лондонскій „Times“ отъ 30 сентября печатаетъ телеграмму изъ Женевы, вос-производящую вкратцѣ разсказъ, помѣщен-ный въ послѣднемъ номерѣ „Общаго Дѣла“, о созданной русскимъ правительствомъ, тай-ной организаціи для борьбы съ партіею русскихъ террористовъ. Женевскій коррес-пондентъ англійской газеты ссылается, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній, на недавно „основанный въ Женевѣ русскій органъ, избравшій себѣ задачей введеніе въ Россію конституціонныхъ учрежденій“, объ откры-тіи дѣятельности котораго онъ (корреспон-дентъ) уже телеграфировалъ „Times“ у.

Хотя мы и не заключаемъ нашей дѣятель-ности въ указанную корреспондентомъ рам-ку, а взывали къ самостоятельности вообще и къ дружной организаціи всѣхъ народныхъ силъ, но намъ понятно, что англичанинъ могъ именно такъ характеризовать наши стремленія, въ отличіе отъ изданій подоб-ныхъ „Общему Дѣлу“, и что, въ глазахъ англійской публики, сообщаемое имъ извѣ-стіе получило значеніе отъ появленія его въ „конституціонномъ“ органѣ. Мы должны, поэтому, указать на сдѣланную имъ ошибку, тѣмъ болѣе очевидную, что уже въ прош-ломъ № „Вольнаго Слова“, мы заподозрили въ достовѣрности свѣдѣнія „Общаго Дѣла“, а въ настоящемъ № печатаемъ подробное содержаніе правительственной мѣры, кото-рая, вѣроятно, и послужила поводомъ къ послѣднимъ слухамъ, такъ легкомысленно пу-щеннымъ редакціею „Общаго Дѣла“.

*) Вѣроятно, охрана рельсоваго пути на случай движенія императорскихъ поѣздовъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

VI.

Но Герценъ по видимому не замѣчалъ ни этой сошности, ни уклоненій варшавскаго „народнаго правительства“ даже отъ тѣхъ уступокъ, какія сдѣлали делегаты послѣдняго въ деклараціи, напечатанной въ „Колоколѣ“. Въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ вслѣдъ за этою деклараціею („Центральному поль-скому комитету въ Варшавѣ“, — „Къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ“ и пр.) Герценъ вполне становится на польскую субъектив-ную точку зрѣнія: „Что *Польша желаетъ* остаться въ федеральномъ (?) союзѣ со всѣ-ми народами, входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой, — говорить онъ, — это совершенно естественно, какъ и то, что *она* не мо-жетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрекается отъ самостоятельности своей, тоже ясно. Если бы было иначе, — то Вар-шава, какъ и Петербургъ, призналъ бы Галицію — Австріей, Познань — Пруссіей“. Въ словахъ этихъ, кромѣ общаго нехода съ точки зрѣнія только Польши да Варшавы, — видно еще и незнаніе того, что напр. Га-лиція прежде всего соеѣмъ не Польша, — какъ напр. Познань. Галиція — прежде всего „Галицкая Русь“ и даже во время суще-ствованія польскаго государства называлась воеводствомъ „русскимъ“. Какъ „Червоная или Малая Русь“ она была присоединена къ послѣдственнымъ владѣніямъ венгерско-австрійской короны, и только послѣ того соединена была административно съ чисто польскими землями воеводства краковскаго, — отъ котораго впрочемъ нѣкоторое время была и вновь отдѣлена. И если теперь обшкповенно всѣ земли, доставшіяся Австріи отъ польскаго государства называютъ Га-лиціей (официальный ихъ титулъ: Королев-ство Галицкое и Владимірское съ Великимъ княжествомъ Краковскимъ), то все таки восточная ихъ часть, Галиція собственно, такая же Польша, какъ и Кіевская губер-нія.

Эту же Кіевскую губернію Герценъ все же не былъ расположенъ такъ легко усту-пать Польшѣ, какъ легко думали заирать ее польскіе делегаты. Вообще Герценъ, даже и принявши въ общей основѣ программу варшавскихъ делегатовъ, — все же не могъ совершенно отказаться отъ своихъ пре-жнихъ взглядовъ, но черезъ это только за-путывался въ непримиримыя противорѣчія. Онъ напр. возвращается къ прежнимъ своимъ федеральнымъ идеямъ. „Съ своей стороны, пишетъ онъ, — поляки должны понять, что сохранить тотъ же федеративный союзъ (съ „западными губерніями“) будетъ стрем-леніемъ не только правительства русскаго, но и всего русскаго народа. Какой же рус-скій не считаетъ, — и при томъ совершенно справедливо, — *Кіевъ* такимъ же русскимъ го-родомъ, какъ и *Москву*“. Выходило бы та-кимъ образомъ, что Кіевъ, — федеративную связь съ которымъ желаютъ сохранить и поляки, и русскіе, долженъ бы соединить

между собою федеративною связью и Варшаву съ Москвою. Но „варшавское правительство“ и думать не хотѣло о такой связи, а просто хотѣло отдѣлится отъ Москвы и Варшаву, и Киевъ, который, по господствовавшему тогда (да и теперь) понятіямъ въ польской литературѣ, только случайно отпалъ отъ Польши, благодаря трудному положенію послѣдней при королѣ Янѣ III (L. Chodzko. La Pologne historique, etc. ст. 9).

Политъ-профессоръ даже вовсе ничего не говоритъ европейской публикѣ о Б. Хмельницкомъ. Самъ же Герценъ рассказываетъ, что польскіе дѣятели 1861—64 гг. страхъ боялись всякихъ уступокъ со стороны русскаго правительства, которыя могли бы остановить возстаніе и, какъ думалось, отдѣленіе отъ Москвы всей Польши 1772 г. (Сборн. Посм. сочиненій, 211—212). Какимъ образомъ „русскій, подавшій руку полякамъ“ на поддержку ихъ возстанія, имѣвшаго цѣлью отдѣленіе Киева къ Варшавѣ могъ въ тоже время защищать федеративную связь Киева съ Москвою, — совершенно непостижимо.

Но Герценъ простираетъ свои колебанія далѣе: написавши свое присоединеніе къ деклараціи варшавскихъ делегатовъ, онъ считаетъ однакожъ пужливымъ напомнить имъ о томъ, о чемъ повая польская литература избѣгала говорить, — о старой войнѣ Украины съ польскимъ государствомъ, о Б. Хмельницкомъ, и предостерегаетъ поляковъ, чтобъ Хмельничина послужила имъ урокомъ. Оказывается, что для Герцена „союзъ Украины съ Польшею“ является все таки не такимъ рѣшеннымъ дѣломъ, какъ для варшавцевъ. Издатель Колокола говоритъ: „При теперешнемъ положеніи дѣлъ, узнать, чего желаетъ Литва, Бѣлоруссія, Малороссія, очень трудно. Гнетъ русскаго правительства не даетъ имъ возможности высказаться..... Изъ этого ясно видно, что самый вопросъ надобно оставить, не предпринимая его безъ тѣхъ, кто единственно имѣетъ право его рѣшить. Скажемъ вмѣстѣ съ поляками (?) — *быть Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украинѣ, съ кѣмъ они захотятъ, или ни съ кѣмъ, лишь бы волю ихъ узнать не поддѣльную, а действительную*“. Впрочемъ тутъ же Герценъ гадаетъ, — что „народъ, села, массы, если не противъ Польши, то, вѣроятно и не за нее“, — и сейчасъ же допускаетъ: „тутъ мѣсто самому широкому, законному вліянію польской цивилизаціи“, — и выражалъ вѣру въ польскую „пропаганду искупленія и отреченія отъ старыхъ злоупотребленій, отъ своихъ правъ на поземельную собственность“ и т. п.

Но дѣло въ томъ, что по крайней мѣрѣ относительно Украины трудно было сомнѣваться въ томъ, что она не хочетъ присоединяться къ Польшѣ. Герценъ, видимо, не зналъ, что въ Галиціи, — т. е. въ „гнета русскаго правительства“ украинская журналистика и старой партіи („Слово“), и молодой („Вечерницы“) уже въ 1862 г. высказалась противъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г. И въ самой Россіи, не смотря на цензуру, польская сторона успѣла довольно вразумительно поставить вопросъ о принадлежности западныхъ гу-

берній Польшѣ (въ „Słowo“ г. Огрызко, „Kurier Wileński“ г. Киркора, Biblioteka Warszawska и даже въ Аксаковскомъ „Днѣ“, въ статьѣ М. Грабовскаго), — на что украинская сторона отвѣчала въ „Основѣ“ статьями гг. Костомарова, Кулиша и молодыхъ „хлопомановъ“ Антоновича и Рыльского, которые сами вышли изъ рядовъ польской демократіи, но разошлись съ нею именно передъ началомъ повстанческаго движенія за возстановленіе исторической Польши. Всѣ украинскія статьи на разные лады развивали казакскую тему: „маєте собі свою Польщу, а намъ наша Україна оставаться“. Что же касается до самыхъ „хлоповъ“ украинскихъ, о которыхъ Герценъ предполагалъ, что они „не противъ Польши“, то они напр. въ своихъ пѣсняхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ высказались именно „противъ Польши“.*) Въ 1862-63 гг. „хлопы“, будучи возбуждены вопросомъ эмансипаціи и способомъ, какъ исполняли даже Положеніе 19 февраля 1861 г. помѣщики, — единственные представители Польши, которыхъ знали крестьяне, — явно готовились воспользоваться польскимъ (въ Украинѣ неизбежно панскимъ) возстаніемъ, чтобъ начать жаккерію, — о чемъ кричала польская печать въ Россіи и за границей, въ своей полемикѣ съ украинскими „хлопоманами“ на всѣхъ языкахъ отъ польскаго, до русскаго и французскаго**).

И при такихъ условіяхъ Герценъ совѣтовалъ „не предпрѣшать вопроса“ даже объ Украинѣ, совѣтовалъ прежде всего „узнать ся неподдѣльную волю“ и даже возлагалъ надежду на „пропаганду искупленія и отреченія (польскихъ пановъ) отъ старыхъ злоупотребленій и своихъ правъ на поземельную собственность“. Но „не предпрѣшать вопроса“ значило бы въ данномъ случаѣ — „не поднимать возстанія“, по крайней мѣрѣ на Украинѣ, — а между тѣмъ польскіе революціонеры, даже тѣ, кто искренно желалъ только узнать „неподдѣльную волю“ непольскихъ народовъ бывшей Польши по политическому вопросу, — хотѣли прежде всего возстанія этихъ народовъ противъ Россіи подъ знаменемъ, которое во всякомъ случаѣ было непопулярно по крайней мѣрѣ на Украинѣ. Что же касается до „закононаго вліянія польской цивилизаціи, пропаганды искупленія и отреченія и пр.“, — то допустить даже, что ею въ состояніи были проникнуты польскіе помѣщики, которые на дѣлѣ отнимали у крестьянъ даже ту землю, кака была за ними записана по инвентарнымъ правиламъ 1847 г., — на все это нужно было время, — а варшавскій комитетъ уже объявилъ прямую войну русскому правительству***).

*) Отсылаемъ читателя къ оканчиваемой теперь печатаемъ книгѣ нашей: «Нова українські пісні про громадські справи. 1764—1880».

**) Выдержки см. въ нашихъ статьяхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, „Восточная политика Германіи и обрусеніе“ 1872 г., II—V и „Европа и поляки въ Югозападномъ краѣ“ 1875, VIII.

***). Напр. въ Киевской губ. по инвентарямъ 1847 г. крестьянамъ должно было отойти 1.231.472 десятинъ, а по уставнымъ грамотамъ, составленнымъ польскими помѣщиками и посредниками до 1863 г. отходило только 1.061.969 д. Тоже было и въ другихъ зап. губерніяхъ (Чубинскаго. Труды экспе-

Фразу Герцена о настрояніи массъ народа въ западныхъ губерніяхъ относительно Польши скорѣе можно было, перевернувши, приложить къ отношеніямъ ихъ къ Россіи: „не за Россію, но и не противъ нее“. Придавленный крѣпостнымъ правомъ народъ даже на Украинѣ сталъ представлять себѣ темпо чисто политическіе вопросы. Сейчасъ послѣ присоединенія къ Россіи народъ не взлобылъ ее главнымъ образомъ черезъ подушное и рекрутчину, — но Польшу ненавидѣть все таки не пересталъ, такъ какъ она ему представлялась въ образѣ ежедневно допекающей панщины. Народная пѣсня того времени, — не забытая и до сихъ поръ, — сравнивала оба государства съ мрачными тучами: „Наступила чорна хмара, настала ще і сіння: Була Польшча, була Польшча, та і стала Россія!.....“

Съ теченіемъ времени память о меньшихъ государственныхъ тяготахъ до присоединенія къ Россіи слабѣла, а панщина между тѣмъ усиливалась, — такъ что народъ на правомъ берегу Днѣпра несомнѣнно былъ гораздо болѣе враждебенъ противъ Польши передъ 1863 г., чѣмъ былъ онъ передъ 1830—31 г., — и потому въ виду польскаго возстанія долженъ былъ стать *de facto* за Россію. Единственное возстаніе, въ которомъ народъ могъ бы принять участіе, это было бы прямое возстаніе противъ пановъ. Но на такое возстаніе не рѣшались самые красные изъ польскихъ демократовъ, которые все таки звали крестьянъ прежде всего бить „москалей“*).

дщин, VII, 515). Къ сожалѣнію мы не имѣемъ мѣста, чтобъ остановиться на аграрной политикѣ польскихъ помѣщиковъ передъ возстаніемъ 1863 г., а она то и имѣла рѣшающее вліяніе на поведеніе крестьянъ во время возстанія. Кромѣ того, объ этой политикѣ слѣдовало бы сказать въ виду того, что польскіе писатели, даже демократы, какъ г. Гиллертъ (членъ варшавскаго центрального комитета) наклонны представлять польскихъ помѣщиковъ слишкомъ большими друзьями крестьянъ, опираясь на то, что первый рескриптъ о присугнѣ къ эмансипаціи крестьянъ данъ былъ въслѣдствіе переговоровъ вилнскаго генералъ-губернатора съ мѣстными панамъ въ 1857 г. Между тѣмъ уже изъ изданныхъ въ 1860 г. «Матеріаловъ для ист. управленія крѣпости. сост. и пр.», можно видѣть, что вилнскіе помѣщики вовсе и не просили царя объ эмансипаціи крестьянъ, а только согласились затѣяться вопросомъ крестьянскимъ и послать для изученія его экспедицію въ Германію, (ор. cit. 137—138). Но тѣмъ же матерьяламъ, а также по тому, что напечатано въ трудѣ г. Скребицкаго, въ Зап. сенатора Соловьева и др., видно, что и послѣ стремленія почти всѣхъ помѣщиковъ западныхъ губерній не шли далѣе «остзейскаго» освобожденія, т. е. безъ земли и съ сохраненіемъ вотчинной полиціи. Во всѣхъ адресахъ, поданныхъ въ 1862—63 гг. помѣщиками о присоединеніи западныхъ губерній къ Ц. Польскому высказывались жалобы на небезопасное настроеніе крестьянъ. И отъ такихъ людей ждали «отреченія отъ правъ собственности»!

*) И въ самомъ Царствѣ Польскомъ происходили въ 1861—63 г. волненія крестьянъ противъ помѣщиковъ и тамъ постоянно высказывался (даже въ кругахъ революціонеровъ) страхъ „жаккеріи“. И тамъ крестьяне могли бы быть подняты только прежде всего противъ помѣщиковъ. Между тѣмъ революціонеры, — даже и не такіе бѣлые, какъ Лангевичъ, — взяли на себя роль совершенно невыполнимую для революціонеровъ, — а именно, кромѣ роли войска противъ „москалей“, еще и роль посредниковъ между панамъ и крестьянами! Послѣднюю роль можетъ исполнить только установленное, сильное войскомъ и администраціей, правительство.

Что касается до болѣе образованныхъ украинцевъ, то ихъ настроеніе, — довольно ясно высказанное и въ печати 1861—1863 гг., не смотря на цензуру, было довольно близко къ настроенію ихъ крестьянства. Будучи липо „противъ Польши“, они тоже не были „за Россію“ — но не были и противъ нея, — особенно не были еще готовы дѣйствовать противъ нее. Начать съ того, что сознательныхъ украинцевъ было еще очень мало, и они были очень слабы, — такъ какъ имъ нужно было (да нужно и теперь) пароджаться посредствомъ труднаго нравственнаго процесса изъ польскаго и русскаго привилегированнаго общества на правомъ и лѣвомъ берегу Днѣпра и за тѣмъ искать себѣ опоры въ массахъ народа. Для послѣднего нужно было много предварительной работы. Въ политическомъ отношеніи не только слабость украинской партіи, но и самыя историческія условія украинскаго племени вообще производили то, что украинскіе автономисты склонялись не столько къ сепаратистическому идеалу по отношенію къ Россіи, сколько къ федеральному. Не отдѣленіе отъ Россіи, — а тѣмъ болѣе къ Польшѣ, — а преобразование ея, возможное только при дружномъ участіи всѣхъ ея народовъ, начинал отъ великоруссовъ, занимали въ 60-е годы украинскіхъ автономистовъ, какъ можно видѣть и на цитированной въ предыдущей главѣ статьѣ въ „Колоколѣ“. Подобные украинскіе, хотя еще болѣе ихъ слабые кружки, стали образовываться, и среди литвиновъ и даже бѣлоруссовъ. Развитие всѣхъ этихъ кружковъ, сближеніе ихъ съ массами народа и соединеніе ихъ для общаго дѣйствія съ великорусскими съ цѣлью федеральнаго преобразования Россіи требовало времени. Сепаратистическое же движеніе поляковъ даже и въ одномъ Царствѣ Польскомъ могло задержать развитіе либеральнаго и федеральнаго движенія въ Россіи, возбуждивъ монархическій и центральностическій духъ въ великороссійскомъ населеніи. Перенесенное же на Литву, Бѣлоруссію и на Украину, — да еще въ моментъ, когда крестьяне только что получили какую нибудь свободу отъ русскаго царя, это польское движеніе должно было парализировать всякое оппозиціонное движеніе на Западѣ, какъ и на Востокѣ Россіи, — что и случилось въ дѣйствительности и что не такъ то уже трудно было предвидѣть и въ 1862—1863 г.

Послѣ напечатанія „Посмертныхъ сочиненій“ Герцена оказалось, что и онъ, и друзья его очень близки были къ этому предвидѣнію. Тамъ между прочимъ напечатаны письма Огарева и Бакунина къ тѣмъ русскимъ ихъ единомышленникамъ, которые готовились принять активное участіе въ польскомъ возстаніи. Огаревъ прямо писалъ: „При теперешнемъ преждевременномъ возстаніи, Польша, очевидно погибнетъ, а русское дѣло на долго потонетъ въ чувствѣ народной ненависти, идущей въ связи съ преданностью царю, и воскреснетъ только послѣ, долго послѣ, когда вашъ подвигъ перейдетъ въ такое же преданье, какъ 14 Декабря и изволнуетъ умы поколѣній,

теперь еще не зачатого. Выводъ ясенъ: отклоните возстаніе до лучшаго времени соединенія силъ“..... Бакунинъ писалъ: „Нельзя не сознаться, что общему мѣрному ходу славянскаго и въ особенности русскаго поступательнаго движенія преждевременное и частное возстаніе Польши грозитъ перерывомъ“. (См. соч. 219—221). И Огаревъ, и Бакунинъ, очевидно, думали главнымъ образомъ о Великобританіи, когда писали эти строки, — а потому несомнѣнно, что если бы они ясно представляли себѣ полную безпачужность польскаго возстанія въ „западныхъ губерніяхъ“ и болѣе критически отнеслись къ самой программѣ польскихъ политиковъ относительно этихъ земель, — то ихъ совѣты русскимъ друзьямъ были бы болѣе настойчивы въ отрицательномъ отношеніи *).

Оказывается, что болѣе наблюдательный и скептической Герценъ вовсе не такъ былъ увлеченъ деклараціями варшавскихъ делегатовъ, какъ можно было думать, судя по тогдашнимъ статьямъ „Колокола“. Въ статьѣ М. Б. (Михаилъ Бакунинъ) и польское дѣло Герценъ рассказываетъ о своихъ разговорахъ съ Бакунинымъ и съ польскими делегатами въ 1862 г. по вопросу объ участіи русскихъ въ тогдашней польской революціи. Прочитавъ привезенную изъ Варшавы декларацію, Герценъ предположилъ „посильнѣе отгнѣнить и яснѣе высказать мысль о самостоятельности провинцій“; наставлялъ онъ и на необходимости больше отгнѣнить мысль: „нѣтъ освобожденія безъ земли“. Поляки уступали, но не безъ споровъ. „Этотъ споръ изъ за словъ, говоритъ Герценъ, показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было одинаково... Б. былъ не доволенъ мною, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не доверяю.“

— Чего ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ, какъ катехизисъ; не лъзя же имъ, поднявши національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство“. (Чье? — Польши!!!)

— „Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій много“.

— Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ; чего же тебѣ еще?

— „Есть такъ кое что!...“

— „Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ

*) Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что поляки поспѣшили съ возстаніемъ въ надеждѣ на помощь иностранныхъ правительствъ, особенно Наполеона III. Также несомнѣнно, что поднятіе возстанія въ Кіевской, Могилевской и даже Курляндской губерніяхъ имѣло значеніе прежде всего демонстраціи старыхъ границъ Польши, а также стратегической диверсіи, въ результатѣ которыхъ должно быть по крайней мѣрѣ отдѣленіе, — при помощи западной дипломатіи, — Царства Польскаго, — т. е. возстановленіе „Польши, если не какъ великой, то хоть какъ малой державы“, какъ выразился намъ одинъ молодой польскій революціонеръ въ Кіевѣ въ первый день польскаго возстанія.

представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература“.

— „Съ моей стороны, замѣтилъ Г. (одинъ изъ делегатовъ) я изъ за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы смыслъ остался тотъ же“.

— „Браво, Г., радостно воскликнулъ Б.

„Ну, этотъ, — подумалъ я, — *пріѣхалъ подкованный и по лѣтнему, и на шипы*; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ!“ — (Посм. Соч., 213—215).

— „Смертельно жаль Потѣбю и его товарищей (русскихъ офицеровъ въ Ц. Польскомъ, приставшихъ къ революціи), — говорилъ Герценъ Бакунину, — и тѣмъ больше, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками“.

О Потѣбѣ мы скажемъ далѣе, — а тутъ замѣтимъ, что ожиданіе Герцена сбылось: помощи польскому возстанію онъ не принесъ, — а свое дѣло погубилъ. Рассказывая о томъ, какъ это случилось, какъ онъ, споря съ Бакунинымъ, все же „не хотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ“, Герценъ говоритъ: „Здѣсь я остановился на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежемъ и протестомъ? Съ одной стороны достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой готовность поступить иначе. Эта шаткость, эта поспѣшность, dieses Zögern, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи à côté сѣн; вся отрицательная сторона дѣла была у меня передъ глазами... Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, если бъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самаго себя...“

Изъ разсказа Герцена скорѣе всего можно вывести заключеніе, что, присоединившись къ польскому движенію 1862—1863 гг., онъ поддавался влиянію настойчивости и возбужденности Бакунина. Вліяніе это, несомнѣнно, было, — но оно одно не объясняетъ всего дѣла.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

(Переводъ съ сербскаго).

Сараево, 4 (16) сентября.

Милостивый Государь!

Прочитавши въ 5 № Вашей газеты письмо изъ Пловдива и увидя, что братъ болгаринъ, родина котораго была русскою кровью и русскими средствами освобождена отъ турокъ, жалуется и негодуетъ, — мнѣ захотѣлось написать Вамъ изъ все еще порабощенной Босніи и изложить положеніе дѣлъ у насъ, такъ какъ оно есть; если бы оно хотъ мало мальски походило на положеніе Болгаріи, то всякій изъ насъ былъ

бы доволенъ и счастливъ и не искалъ бы лучшаго.

Всѣмъ христіанскимъ народамъ на нашемъ полуостровѣ пришлось много претерпѣть отъ жестокихъ притѣснителей турокъ, а нѣкоторые и теперь отъ нихъ терпятъ. Тяжки были жертвы, принесенныя братьями нашими болгарами, но такихъ страданій и мученій, какія во время трехгодичной борьбы за вѣру и свободу выплесъ сербскій народъ въ Босніи и Герцеговинѣ, не терпѣли ни болгары, ни какой другой народъ, но что получили въ вознагражденіе болгары? и что босняки и герцеговинцы?

Когда храброе русское войско, двинувшееся для освобожденія единокранныхъ и единовѣрныхъ братьевъ славянъ, послѣ ужасныхъ потерь и страданій, послѣ побѣдъ надъ врагами и стихіями, достигло наконецъ гордаго Царяграда и былъ заключенъ сеп-сепанскій миръ, то славный генералъ Игнатъевъ прежде всего озабочился о Болгаріи и отмѣрилъ болгарскому народу такія границы, какія ему по правдѣ и праву должны бы были принадлежать, потомъ вспомнилъ онъ и о геройской Черногоріи и о Сербіи, не забывъ и борящихся Боснію и Герцеговину.

Но, какъ всегда, когда дѣло идетъ о счастіи и будущности славянъ, такъ и въ этотъ разъ, враги славянства не дремали: они употребили всѣ усилія, чтобъ испортить дѣло побѣдопоснаго русскаго войска и мудраго генерала Игнатъева; но нельзя не признать, что братья наши болгары претерпѣли при этомъ наименѣе зла и вышли изъ всѣхъ балканскихъ народовъ самыми счастливыми. Правда, государство болгарское было уменьшено и раздѣлено на двое, но все таки они получили въ даръ отъ братскаго народа то, чего бы они сами не могли достигнуть столѣтіями. Великодушный народъ русскій воздвигъ болгарское государство изъ развалинъ, въ которыхъ оно лежало 5 вѣковъ, не требуя за это себѣ никакой благодарности, хотя и имѣлъ на это право. Если нѣкоторые болгарскіе вожаки находятъ причину или поводъ въ чемъ либо укорить Россію, то это имъ вовсе не дѣлаетъ чести, а показываетъ только, что они увлекаются примѣромъ Франціи, Англіи или Швейцаріи, а не знаютъ своей собственной страны. Управленіе болгарскими или другими балканскими народами по рецепту западнаго либерализма не составило бы ихъ счастья; для нихъ хорошо только то, что соответствуетъ ихъ быту, обычаямъ и духу. Всѣмъ народамъ на полуостровѣ нужно прежде всего думать о внутренней крѣпости своего отечества и стараться, чтобы грядущія великія событія не застали ихъ въ расхолахъ.

Мнѣ кажется, а такъ и должно быть на дѣлѣ, что передовые люди между болгарскими поступаютъ также, какъ поступали сербы княжества, гдѣ въ первое время ихъ освобожденія, — каждый министръ и совѣтникъ боролся за мѣсто съ своимъ соперникомъ и думалъ, что можетъ направлять князя какъ хочетъ. Взять Игнатъева себѣ за князя болгарамъ не позволитъ Европа,

потому что Игнатъевъ самъ по себѣ войско и сила, которой боится великія и могущественныя державы, какъ это и было видно недавно, когда говорилось о замѣнѣ имъ старца Горчакова; въ Европѣ пророчествовали общую гибель, если только нѣтъ русской политики будутъ переданы въ руки Игнатъева. Но когда бы даже болгарамъ и удалось исполнить свое желаніе, то и тогда между ними нашлись бы люди, которые бы были чѣмъ нибудь недовольны.

Пусть же послушаетъ братъ болгаринъ каково намъ въ Босніи.

Намъ Игнатъевъ выговорилъ автономію, которой мы всегда желали, а старые грѣшники — европейскіе дипломаты рѣшили, что бы намъ только промѣнять одно господство на другое, и чтобъ все у насъ оставалось по прежнему или еще хуже. Русская оккупация въ Болгаріи надѣлала чудеса: на свои средства и своими трудами, русскіе въ одинъ годъ создали государство, хотя и малое и не такъ устроенное, какъ западно-европейскія державы, но все таки достойное удивленія тамъ, гдѣ турецкое варварство пять вѣковъ только все разрушало.

Что же сдѣлала въ Босніи и Герцеговинѣ въ теченіи трехъ лѣтъ австрійская оккупация? она вывела только бѣду и несчастье даже въ тѣ стороны народной жизни, которыя щадили Турки. Оккупация ввела въ Боснію цѣлую армію чиновниковъ разнаго сорта, разныхъ обидчивыхъ бароновъ и искателей приключеній всего свѣта, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ по своей вѣрѣ и народности, не обращая вниманія ни на законы, ни на обычаи страны; всѣ они, хорваты, мадьяры, поляки, швабы, большею частью фанатичные католики, сходятся въ общей ненависти ко всему сербскому и православному; главная забота ихъ — гоненіе на крѣпости (церковно-славянскія писмена) и поощреніе іезуитской пропаганды. Что они сдѣлали для нашего народа и какое ему доставили облегченіе? Поддерживая феодальныя права беговъ, австрійскіе чиновники взимаютъ для нихъ съ величайшей строгостью 1/3 всѣхъ произведеній, а для себя не только прежнюю десятину, но и другіе налоги и подати; за малѣйшую недомыслию схватываютъ они все имущество и пускаютъ христіанскія семейства по міру. Право, кажется, они хотятъ искоренить все православное населеніе, которому не остается ничего болѣе какъ слѣдовать примѣру Стояна Ковачевича — идти въ горы, собирать четы и бороться противъ австрійскаго владычества, какъ прежде противъ турецкаго.

Но пусть австрійцы господствуютъ, нѣмечать насъ или католичать, мы — православные славяне Босніи и Герцеговины останемся вѣчно вѣрны нашей вѣрѣ и народности, вѣрны славянской идеѣ; мы будемъ падѣяться на Бога правды и справедливости, на нашего друга Игнатъева, и на ту святую русскую кровь, которая еще дышитъ на столькихъ поляхъ сраженія и которая намъ порука, что право-

славное славянство еще побѣдитъ старую грѣшную Европу и даруетъ намъ освобожденіе и отъ нашихъ новыхъ угнетателей.

Вотъ Вамъ, господинъ Редакторъ, какъ мы живемъ и чувствуемъ подъ австрійской оккупацией; скоро я Вамъ напишу о ней подробнѣе.

*Православный Славянинъ
изъ Босніи.*

КАКЪ ЛУТЪ НА РУССКУЮ ЭМИГРАЦІЮ.

Если есть на свѣтѣ предметъ, о которомъ всякій позволяеть себѣ писать, то ему издается, такъ это „русскіе эмигранты“. Почему это такъ установилось, — другой вопросъ, но только всякій, кто желаетъ получить съ любой редакціи нѣсколько десятковъ су, — пишетъ первый пришедшій ему въ голову вздоръ о „русскихъ ингилистахъ“, — и десятки су у него въ карманѣ! Самые серьезныя редакціи ловятся па эту удочку. Такъ недавно редакція „Fourthly Review“, самаго радикальнаго англійскаго обзорія напечатала статью „О будущности Швейцаріи“ и въ ней сообщаетъ, что въ странѣ этой проповѣдуетъ политическія убійства кіевскій экс-профессоръ Драгомановъ черезъ посредство двухъ своихъ изданій: „Набата“. — органа еще сравнительно умѣреннаго и газеты „Наше(?) Дѣло“, органа будто бы уже совсѣмъ разнузданнаго терроризма. Заключение вышло такое, что Швейцарія должна бы изгнать зловреднаго издателя такихъ публикацій съ его товарищами. Черезъ нѣсколько времени „Times“ помѣстилъ корреспонденцію, въ которой говорилось о томъ, что центромъ террористическихъ конспирацій для Россіи служатъ въ Женевѣ мнимая лавочка одного экс-студента изъ Казани, а главнымъ публицистомъ ея состоитъ одинъ экс-профессоръ изъ Кіева, который по немѣннѣйшимъ бумагамъ, скрывается отъ властей и мѣняетъ каждую недѣлю квартиру, — а публикаціи террористовъ печатаются въ тайныхъ типографіяхъ, о которыхъ будто бы не знаютъ даже хозяева домовъ, въ которыхъ онѣ помѣщаются. Многія газеты въ Европы и потомъ въ Россіи поспѣшили перепечатать извѣстія столь солиднаго журнала. Между тѣмъ все сказанное въ F. R. и T. — вздоръ отъ перваго слова до послѣдняго.

Кіевскій экс-профессоръ Драгомановъ, — выѣхавшій изъ Россіи по паспорту, живетъ въ Женевѣ по permis d'établissement и не только не прячется, а состоитъ членомъ двухъ мѣстныхъ учено-литературныхъ обществъ. Онъ ничего не издаетъ и не издавалъ, кромѣ украинскаго обзорія „Громада“ съ приложеніемъ къ ней (брошюры и листокъ La Fédération) и неоднократно занималъ, что всѣ свои изданія и политическія статьи въ другихъ изданіяхъ онъ подписываетъ своимъ именемъ. Проповѣдуетъ ли онъ убійства, — это можно

видеть между прочим и изъ его брошюры „Le tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale“. Экз-студентъ изъ Казани,—г. Элпидинъ,—имѣетъ не мнимую, а настоящую лавочку (библиотеку съ торговлей письменными принадлежностями и папсюпъ); типографій же русскихъ въ Женевѣ двѣ и обѣ совершенно явныя. Онѣ основаны вовсе не на конспиративныхъ, а на обычныхъ ремесленныхъ основаціяхъ и печатають на своихъ издавціяхъ свои фирмы и адреса и представляютъ определенное число экземпляровъ, согласно жевевскимъ законамъ, въ мѣстный „Hôtel de Ville“.

На дняхъ петербургскія газеты напечатали со словъ „Кельнской газеты“ извѣстіе о томъ, что кн. Крапоткинъ, будучи изгнанъ изъ Швейцаріи, оставилъ двухъ своихъ сыновей въ жевевскомъ коллежѣ. За чѣмъ напечатано было это извѣстіе,—неизвѣстно: хотѣлось ли кому, чтобъ и дѣтей кн. Крапоткина, или другого какого эмигранта изгнали изъ Швейцаріи или выжили изъ школы,—аллахъ вѣдастъ*). Но во всякомъ случаѣ кн. Крапоткинъ никакихъ дѣтей не помѣщалъ ни въ какой коллежъ, по простой причинѣ, по немѣнно дѣтей вовсе.

Но, кажется, всѣ подобныя извѣстія превосходятъ, какъ вздорностію, такъ и пошлостію, письмо „изъ Парижа“, напечатанное на дняхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 246) и подписанное: „Студентъ Парижскаго юридическаго факультета Мурашко“. Послѣ всякой сальной лжи о социалистахъ во Франціи, корреспондентъ г. Каткова увѣряетъ публику, что „русскихъ“ пигилистовъ въ Парижѣ „поддерживаютъ въ матеріальномъ отношеніи“ биржевые спекулянты, которымъ выгодно пониженіе курса рубля, для чего они напимають пигилистовъ выдумывать и распространять слухи о всякихъ бѣдствіяхъ Россіи, напр. о голодѣ, эрготинѣ и т. п. Безчестнымъ дѣломъ распространенія такихъ слуховъ занимаются въ Парижѣ, по извѣстію г. Мурашко, пигилисты: Тургелъ, Соколовъ, Жуковский. Расчетъ корреспонденціи ясенъ: увѣрить неопытнаго россиянина, которому мѣняли отсчитываютъ не 4, а только 2½ франка, что 1½ франка у него украла не господствующая въ теченіе десятковъ лѣтъ въ Россіи политическая система, а пигилисты, глѣздящіеся „въ грязной кухмистерской Салацкаго, rue Visconti“.

Оставляемъ въ сторонѣ, что и для „пигилистовъ“, которые живутъ или своимъ трудомъ, или пособиями отъ родныхъ и друзей, было бы тоже пріятно получить за рубль 4, а не 2½ франка, тѣмъ болѣе что и по корреспонденціи г. Мурашко выходитъ, что его пигилисты не зарабатываютъ отъ биржевыхъ спекулянтовъ на столько, чтобъ выльзть изъ „грязной кухми-

стерской“ Салацкаго въ болѣе чистую. Но вѣдь для биржевиковъ пужно не одно пониженіе курса, а колебаніе его, такъ что слѣдуетъ предположить, что они платятъ и гг. Мурашкамъ и Катковымъ за статьи о томъ, что въ Россіи все обстоитъ благополучно: голода не было, спорышны пѣтъ и пѣтъ даже крестьянскаго малоземелья и еврейскаго вопроса! Все это мы и читаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Платитъ ли кто за такія статьи, мы не знаемъ, но что гг. Мурашки способны писать ихъ за деньги,—это можно предположить по статьѣ „г. студента парижскаго университета юридическаго факультета“, который совершенно выдумалъ свои извѣстія о „пигилистахъ“ въ Парижѣ. Довольно будетъ сказать только, что никакого г. Тургеля между русскими эмигрантами нѣтъ, а г. Жуковский вовсе не живетъ въ Парижѣ; г-нъ же Соколовъ слишкомъ образованный и порядочный человекъ,—не безызвѣстный въ литературныхъ кругахъ въ Россіи,—чтобъ продаваться биржевикамъ за обѣды въ „грязныхъ кухмистерскихъ“. Будучи подполковникомъ генеральнаго штаба въ Россіи, онъ нашелъ бы лучшихъ для себя покупателей, если бы желалъ продаваться. Но вмѣсто того онъ избралъ себѣ дорогу, которая привела его самаго сначала къ ссылкѣ, а потомъ къ изгнанію изъ родины...

Гг. Мурашкамъ англійскихъ, нѣмецкихъ, и пр. газетъ,—не слѣдовало бы забывать грибофдовскаго:

„Послушай, ври,—да знай же мѣру!“

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

VI.

Виднѣяя препятствія развитію и росту рабочихъ организацій. Усилія реакціи въ Германіи образовать изъ разныхъ народныхъ элементовъ противъ социальной демократіи. Разныя проявленія популярности послѣдней въ средѣ промышленнаго пролетаріата.

Не смотря на отсутствіе поражающихъ воображеніе фактовъ въ рабочемъ движеніи Германіи, мы находимъ, однако, въ немъ столько явленій характерныхъ для положенія и стремленій социальной демократіи, что считаемъ не лишнимъ и это письмо посвятить Германіи.

Повсюду, даже въ самыхъ свободныхъ государствахъ, дѣятельность и развитіе рабочихъ организацій совершается далеко не безъ виднѣящихъ препятствій и стѣсненій. Между послѣдними весьма видную роль играетъ увольненіе хозяевами отъ работы всѣхъ принадлежащихъ или подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ рабочимъ союзамъ членовъ. Въ Англіи, классической странѣ свободы и крупнаго производства, рабочимъ союзамъ еще очень недавно приходилось вести отчаянную борьбу съ хозяевами—очень часто чисто террористическими способами—за право рабочихъ принадлежать къ представляющимъ ихъ интересы коалиціямъ. Кромѣ этихъ препятствій, ростъ рабочихъ коалицій въ сильной сте-

пени парализуется и безработицей въ періоды промышленныхъ кризисовъ. Если голодъ и крайняя нищета могутъ вызывать въ массахъ крайнее раздраженіе и отчаяніе, порождающее „безпорядки“, бунты и т. п., то для систематической борьбы подобное настроеніе крайне вредно. Не говоря уже о невозможности для большинства вносить правильно свои недѣльные и мѣсячные взносы въ союзную кассу, безработица убиваетъ въ рабочихъ всякую энергію и интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Апатія, безвѣріе въ свои силы и вѣчныя заботы о томъ, какъ бы прокормить себя и семью въ теченіи сегодняшняго дня—таковы характерныя черты ихъ настроенія въ періоды безработицы. Поэтому въ такіе моменты перѣдко рабочіе союзы приходятъ, по крайней мѣрѣ временно, въ полнѣйшій упадокъ.

Со всѣми подобными препятствіями приходится бороться и рабочей партіи Германіи. Въ какой грубой формѣ капиталисты пускаютъ здѣсь въ ходъ свою экономическую силу надъ рабочими для подавленія ихъ стремленій къ самостоятельности, покажетъ слѣдующій фактъ. Въ концѣ 1879 г. въ Лашбрехтѣ выбраны были 15 *соціалистовъ-рабочихъ* въ муниципальные совѣтники. Хозяева тотчасъ заявили имъ, что они лишаются работы. Пролетаріи очутились въ безвыходномъ положеніи, и въ концѣ концовъ, чтобы спасти себя и свои семьи отъ голода, имъ пришлось отказаться отъ своихъ депутатскихъ полномочій. За то, по словамъ буржуазныхъ газетъ, въ очень немногихъ мѣстностяхъ Германіи классовая несправедливость достигла такой степени, какъ въ этомъ городкѣ. Что касается до безработицы, то она въ послѣдніе годы почти не перестаетъ тяготѣть надъ рабочими Германіи. Массы рабочихъ постоянно страдаютъ съ мѣста на мѣсто, въ поискахъ за работой, а то и совсѣмъ выселяются изъ страны. Но партія пролетаріата приходится въ Германіи бороться и съ препятствіями чисто политическими. Аресты, обыски, процессы и изгнанія—явленія повседневныя. Въ теченіи послѣдняго полутора мѣсяца изъ одного только Лейпцига и окрестностей изгнано до 70 социалистовъ, болѣею частью семейныхъ. Въ августѣ 81 г. изъ Альтопы изгнаны 21 человекъ, изъ нихъ 9—семейныхъ. Изъ Берлина, пишутъ въ „Соціально-демократъ“, въ концѣ того же мѣсяца, изгнано опять изрядное количество рабочихъ, изъ которыхъ извѣстны по именамъ только 14. Въ тоже время въ Лейпцигѣ и въ Дрезденѣ многимъ книгопродавцамъ запрещено заниматься своей торговлей, по подозрѣнію въ тайномъ распространѣніи социалистическихъ изданій. Умѣреннѣйшія газеты въ родѣ „Vaterland“ и „Reichsbuerger“ запрещены по подозрѣнію въ связи съ социалистами и за перепечатки „тенденціозныхъ“ изъ другихъ газетъ. Понятно, если каждый мѣсяць сотни лицъ путемъ разныхъ преслѣдованій лишаются свободы или насущнаго хлѣба, то партія социалистической приходится тратить весьма значительныя суммы на матеріальную под-

*) Какъ разъ около времени напечатанія корреспонденціи,—другой русскій эмигрантъ помѣстилъ двухъ сыновей въ жевевскій коллежъ и по городу распространились слухи, что это кн. Крапоткинъ посылаетъ туда своихъ дѣтей подъ чужимъ именемъ.

держку этих лиц и их семейств. В отчете „Социаль-демократа“ за летнюю четверть года цифра взносов в центральную кассу в пользу преследуемых равняется выше 30,000 марок. Но помимо этой кассы существуют местные для той же цели, общая цифра доходов которых по крайней мере вдвое превышает сумму взносов в центральную кассу. Расходы около 20—25000 марок на одну только материальную поддержку членов, пострадавших от преследований — представляют финансовую тягость, особенно при теперешней безработице. Факт этот весьма наглядно свидетельствует о степени солидарности передовых элементов пролетариата в Германии. Но в тоже время эти траты указывают, какие значительные средства они должны отрывать от агитации и пропаганды для целей исключительно взаимного вспомоществования.

Абсолютистско-юнкерская реакция чувствует, однако, всю тщетность своих насильственных мероприятий против социалистической партии, и потому направляет всю свою энергию на образование для себя оплота непосредственно в среде работающих классов. Пролетариат по самому своему положению элемент слишком революционный, чтобы на нем можно было построить скольконибудь прочное здание реакции. Лишенный всяких средств к существованию кроме работы по найму, пролетарий не может удовлетвориться паллиативами, в роде инвалидных государственных касс, страхования его здоровья и жизни от несчастий на фабриках и т. п. Против машинного производства и обусловливаемых его развитием промышленных кризисов и выбрасывания рабочих на мостовую подобными реформами ничего не поддается. Понятно, что требование социалистов о полном обобществлении материалов и орудий производства необходимо должно найти в пролетариате благодарную почву, как бы обещания правительство не давало бы ему на счет улучшения его быта. Висмарк и юнкерская партия повидимому чувствуют это. Гораздо более благоприятным элементом для демократизации реакционных стремлений прусских юнкеров являются самостоятельные ремесленники и крестьяне. И те и другие пожимаются крупным капиталом — посредством растовщического кредита, неспособности конкурировать на рынке с продуктами крупных фабрикантов и т. д. Быть поглощенным акулой-капиталистом этому классу мелких предпринимателей, конечно, не хочется. Как удержаться в своей позиции против фабрикантов, ростовщиков и т. п. — вот вопрос жизни и смерти для этих общественных элементов. Стремления последних сводятся не к устранению частного производства и торговли, а к ограждению себя от победоносных и опустошительных нашествий со стороны крупных капиталистов. Таким образом у старого дворянства, в свою очередь теснимого последними, как и у правительства, стре-

мляемого к водворению абсолютизма, оказывается существенный пункт для единения с классами мелких собственников и предпринимателей, это — борьба против крупных представителей движимого капитала и их так называемой доктрины либерализма. Пропаганда во имя такого союза борьбы против либерализма ведется в Германии уже издавна. Но с особенною настойчивостью и шумом она началась в Пруссии вскоре по издании „исключительного закона“. Видимым главой этой агитации является придворный поэт Штекер, а фактически, за кулисами стоит, конечно, Висмарк с компанией. На сколько эта агитация увенчалась успехом, судить теперь еще трудно, хотя повидимому она далеко не безуспешна. Так как агитация эта ведется и во имя улучшения быта рабочих и обращается непосредственно к ним в надежде привлечь их на сторону реакции, то не лишним будет ознакомиться в общих чертах с практическими целями этой агитации. Для этого обратимся к пробному номеру газеты „Innung“ (Цех), органу „Социально-консервативного союза для немецкого ремесла“ *). Как указывает само название газеты, пробный номер которой вышел 10 сентября 81 г., она должна служить выразителем *организованных* элементов из класса самостоятельных ремесленников, которые совокупно с частью пролетариата (как надеются Висмарк и компания) должны образовать *демократически-общественный* оплот для реакции, с одной стороны и против революционных стремлений социалистов, а с другой — против либерализма. „Германские ремесленники и друзья ремесла! Могучее движение охватило немецких ремесленников — так начинается редакция свое объявление об издании этой газеты. Постепенно возрастающая нужда и уменьшающийся доход „честного труда“, в то время как спекуляции доставляют миллионы, привели наконец, к сознанию, что ремесло может погибнуть. Теперь оно узнало ложных друзей, соблазнивших красивыми фразами: „Свобода промыслов, самоопределение, свободная игра сил и т. д.“, а в действительности стремившихся только к лишнему „честно самостоятельному мастеру“ свободы, лишив его авторитета, разрушив теплую связь и ремесленное воспитание в ремесле“. Теперь дело идет о соединении всех разрозненных сил ремесленного класса во имя ясной и внятной цели: „обязательный цех“ (obligatorische Innung).

Руководящая статья пробного ее номера ополчается прежде всего против законодательной отмены цеховых постановлений в 1869 г. „Только обязательные экзамены могут доставить мастерам и подмастерьям должное уважение. Кто не „мастер“, не имеет права носить этого названия, т. е. бесчестить его. Мы покажем

до чего довели нас ложная свобода со времени 48, а особенно с 69 г., как работающий народ ограблен благодаря им и попал в позорную зависимость от немногих богачей“... „Мы покажем немцам ремесленникам, что только обязательные цехи представляют собою истинный союз между мастерами, подмастерьями и учениками, что в котором, столь спасительное во всяком жизненном положении принуждение, необходимо и для организаций ремесленных; за то они должны быть падлены некоторыми привилегиями — некоторые области сбыта должны быть предоставлены исключительно мелкому производству, и крупное производство должно быть отделено от мелкого...“ „Мы покажем, какими глупыми фразами о свободе, прогрессе, духе времени и т. д. ремесленники заманивались в лагерь своих злейших врагов, и как клички в роде реакционер, средневековые учреждения... их запугивали, как только они намечались подать руку своим друзьям — консерваторам и центру...“ Также мыслы доказываются и в других статьях — „Союзы в защиту ремесла“, „Технические вспомогательные средства ремесла“ и т. д. Реставрация цеховых организаций, законодательная защита мелких самостоятельных производителей против капиталистов, борьба против крупной индустрии и сочувствующих ей либеральных идей в политике, религии, философии — таковы лозунги газеты „Innung“ и „союзов ремесленных“ (хозяев), выразительницей стремлений которых она выступает.

Таким образом в борьбе с капиталом и критикой доктрины свободной торговли социальная демократия встречает себя вновь организующего соперника в лице защитников мелкого производства и их союзников в среде земледельческого дворянства и духовенства как католического, так и протестантского. Принимая во внимание многочисленность мелких ремесленников и крестьян в Германии, едва ли можно сомневаться, чтобы усилия реакции образовать из них довольно серьезный оплот для себя не увенчались успехом. Предстоящие выборы в парламент покажут, как велики результаты реакционной демагогии на этой почве. Во всяком случае усилия последней завоевать себе и симпатии пролетариата не могут не вызывать беспокойства в рядах социалистов, у которых Штекер и его сподвижники заимствуют подчас даже терминологию. Социаль-демократы приходится таким образом бороться не только против правительства и капиталистов, но еще и против реакционных тенденций, как стремящихся стать лозунгом значительной части работающих классов. Дейтельность социальной демократии затрудняется, следовательно, не только полицейскими мероприятиями, безработицей и т. п. внешними обстоятельствами, но и антипропагандой, организующей под крыльями правительства реакционной-пародной партии. Но повидимому в среде город-

*) „Social-conservative Vereinigung für das deutsche Handwerk“.

ского пролетариата этой новой партин до сих пор не удалось ни на йоту ослабить влияние социаль-демократов. Вот перечень фактов, в которых при тайной пропагандисткой деятельности, могло еще проявиться наружу влияние социалистов среди рабочих.

Через четыре месяца послѣ изданія „исключительнаго закона“ в Бреславлѣ происходили выборы одного депутата въ рейхстагъ. Социалистическій кандидатъ, безъ всякой предварительной агитации получилъ почти 8000 голосовъ. Въ томъ же году (въ 79), въ Юнгѣ, въ другомъ округѣ Бреслава подапо было за социалистическаго кандидата 5400. Въ сентябрѣ 1879 г. были выбраны въ Саксонскій Ландтагъ два социалиста: Либкнехтъ и Путрихъ. Затѣмъ 2 Марта 1880 г. при выборахъ въ 17 саксонскомъ округѣ депутата въ рейхстагъ на мѣсто умершаго социалистическаго депутата Браке социалисты получили 8225 голосовъ, а 17 апрѣля того же года социалистическій кандидатъ въ депутаты рейхстага получилъ въ Гамбургѣ 13000 голосовъ, между тѣмъ, какъ противники *всѣ вмѣстѣ* получили всего 10000 *). Въ Альтопѣ социалистическій кандидатъ Гартманъ (не русскій) былъ выбранъ въ рейхстагъ больше 20000 голосовъ. Наконецъ въ концѣ іюня Лейпцигъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Бебель и Либкнехтъ, въ числѣ многихъ другихъ, изгнаны были оттуда. Но вслѣдъ за этой мѣрой наступили выборы въ одной части депутатовъ въ Саксонскій ландтагъ: и въ Лейпцигѣ Бебель вновь былъ выбранъ громаднымъ большинствомъ. Симпатіи пролетариата къ социальной демократіи проявились очень рельефно и въ манифестаціяхъ во время похоронъ социалиста Рейндера въ Бреславлѣ, за гробомъ котораго шло больше 12000 человекъ, Гейба въ Гамбургѣ, котораго сопровождала толпа въ 25—50000 человекъ и Браке—въ Брауншвейгѣ.

Значеніе всѣхъ этихъ фактовъ, какъ проявленія степени популярности социалистической партин въ средѣ германскаго пролетариата, можетъ быть понято только, если мы припомнимъ, что около 1 года по обнародованіи „исключительнаго закона“, партія въ цѣломъ находилась почти въ дезорганизованномъ состояніи и никакой систематической и организованной пропаганды и агитации не производилось—ни устно, ни печатно. Только при послѣднихъ выборахъ въ Саксонскій ландтагъ распространилась тайно летучіе листки въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Вообще въ теченіи этого года партія сдѣлала значительные успѣхи по части тайной агитации—устной и печатной. Во всѣхъ не только главныхъ, но и мелкихъ центрахъ находятся организованныя группы, дѣятельно пропагандирующія въ пользу социализма во всѣхъ прилегающихъ мѣстностяхъ. Помимо „Социаль-демократа“ и „Свободы“ распространяются значительны-

ми массами летучіе листки, брошюры и т. п. Не разъ случалось, что цѣлыя казармы солдатъ падѣлены были социалистическими изданіями, и военному начальству не удавалось самыми отчаянными обысками добратся ни до изданій, ни до распространителей. Но кромѣ тайной пропаганды, социалисты, какъ мы видѣли *), систематически пользуются собраніями противниковъ для распространенія своихъ идей. Чаше всего это дѣлаютъ простые работники, рискуя попасть въ тюрьму или быть изгнанными. Такъ въ Барнентъ-Ельберфельдѣ, когда социалисты начали обличать Штекера и его партію въ лицемеріи и лжи, председатель и полицейскій чиновникъ лишили его слова и затѣмъ онъ былъ еще привлеченъ къ слѣдствію по этому дѣлу. Правда, социалисты разстроили собраніе консерваторовъ, такъ какъ вслѣдъ за отнятіемъ у социалистическаго оратора слова всѣ рабочіе оставили залу при крикахъ да здравствуетъ Оппегеймеръ (социалистическій кандидатъ въ депутаты рейхстага). Подобные же случаи происходили недавно въ Майницѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Такимъ же образомъ социалисты пользуются и собраніями другихъ партій, какъ напримѣръ, на дняхъ во Франкфуртѣ, въ Гамбургѣ, въ Майницѣ, въ Бокенгеймѣ и т. д. Вообще социалисты пользуются оживленнымъ настроеніемъ массы въ виду предстоящихъ въ концѣ октябры выборовъ въ рейхстагъ. Корреспондентъ изъ Нюрнберга сообщаетъ въ „Социаль-демократъ“ (22 сентябля), что социалисты въ одно утро въ теченіи двухъ часовъ распространили въ городѣ и окрестныхъ деревняхъ до 30,000 тысячъ экземпляровъ одного летучаго листка. Они были доставлены въ конвертахъ 20,000 лицамъ, которые по напередъ уже составленнымъ адресамъ распредѣлили ихъ. Каковъ бы ни былъ результатъ предстоящихъ выборовъ, пропагандистское значеніе дѣятельнаго вмѣшательства социалистовъ въ избирательную агитацию неоспоримо именно теперь, при условіяхъ нелегальной дѣятельности и неизбежныхъ преслѣдованій при всякомъ проявленіи своего социалистическаго образа мыслей. Но въ виду мѣръ, предпринимаемыхъ реакціей и даже либералами для парализованія успѣхъ социаль-демократіи, неудивительно будетъ, если кандидаты послѣдней потерпѣтъ поражение. Этотъ исходъ будетъ впрочемъ вещь не неожиданной, и социаль-демократы даже предвидятъ необходимость измѣненія своей тактики въ случаѣ неудачныхъ выборовъ.

Въ первомъ засѣданіи международнаго литературнаго конгресса, открытаго въ Вѣнѣ 20-го числа текущаго мѣсяца, какъ извѣщаетъ „Neue Freie Presse“—было роздано членамъ слѣдующее сообщеніе, отпращенное на имя бюро конгресса, редакторовъ украинскаго обозрѣнія „Громады“:

*) См. въ предыдущемъ числѣ о собраніи берлинскихъ рабочихъ, созванномъ консервативнымъ депутатомъ Руппелемъ.

Милостивые Государи!

Въ 1878 году одинъ изъ насъ имѣлъ честь представить на международный Литературный Конгрессъ, засѣдавшій тогда въ Парижѣ, записку въ формѣ брошюры, озаглавленной: „Украинская литература, изгнанная русскимъ правительствомъ. Записка, представленная на Парижскій литературный Конгрессъ Михаиломъ Драгомановымъ“.

Эта записка излагала вкратцѣ литературное движеніе среди славянской націи, Украинцевъ, называемыхъ также въ Австро-Венгріи Русинами, а въ Россіи Малороссами, и указывала литературному міру на существованіе распоряженія, отданнаго въ 1876 году цензоромъ въ Россіи и исполнѣ почти изгоняющаго письменность на языкѣ, на которомъ въ этой имперіи говорить населеніе въ семнадцатъ милліонѣ душъ.

Вотъ это распоряженіе:

„Государь Императоръ ^{18/30} минувшаго мая (1876 г.) Высочайше повелѣть соизволилъ:

„1) Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго на то разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малороссійскомъ нарѣчій.

„2) Печатаніе и издаваніе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ нарѣчій воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятникѣвъ и б) произведеній изыщной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятникѣвъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изыщной словесности—не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изыщной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописей въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати.

„3) Воспретить также различные сценнческія представленія и чтенія на малорусскомъ нарѣчій, а равно и печатаніе на таковомъ текста къ музыкальнымъ нотамъ.

„Подписано: Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, Григорьевъ.

(Профессоръ университета!!)

Излишне было бы настаивать на несправедливости такого распоряженія и на вредѣ, который оно наноситъ народному образованію и интересамъ лицъ, которые избрали своею спеціальностью въ Россіи украинскія изданія. Это запрещеніе противно также интересамъ литераторовъ государства, въ столицѣ коего происходятъ засѣданія нынѣшняго конгресса, потому что украинская или русинская нація насчитываетъ 3.500,000 своихъ представителей въ Австро-Венгріи (въ Галиціи и Буковинѣ, въ Восточной Венгріи), а распоряженіе 1876 года забираетъ русскую границу для русинскихъ изданій Австро-Венгріи, какъ бы безобидно ни было содержаніе послѣднихъ.

Мы считаемъ своимъ долгомъ настоящихъ сообщеніемъ напомнить представителямъ литературнаго міра отъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, что упомянутое выше распоряженіе все еще остается въ силѣ.

Редакторы украинскаго обозрѣнія „Громады“

М. Драгомановъ, изъ Россіи.

М. Павличъ, изъ Австріи.

Женева, 15 сентябля 1881 г.

Вышеупомянутымъ газетнымъ сообщеніемъ и окончилось это дѣло. Международное общество литераторовъ, заботившееся и на вѣнскомъ

*) Всѣ эти выборы—единичные, по случаю смерти какого нибудь депутата рейхстага. Въ подобныхъ же случаяхъ въ Магдебургѣ социалисты получили 7312 голосовъ.

конгрессъ почти исключительно объ обезпеченіи собственности какой нибудь тысячи авторовъ и издателей и, устами председателя, г. Ульбаха, на прочтении 24 сентября, выставившее на видъ свои, „выше всякой политики стоящая гуманитарныя заботы“ по отношенію къ предложенію Ратисбона, — не сочло уместнымъ хотя бы заикнуться объ огражденіи, отъ правительственнаго произвола, умственной собственности 20-милліоннаго народа.

„Московскія Вѣдомости“ отличились на дняхъ новымъ, очевидно преднамѣреннымъ искаженіемъ фактовъ. Въ № 253 читаемъ:

„Издаваемая въ Женевѣ подъ редакціей Драгоманова газета „Вольное Слово“ нашла себѣ покровителей въ нѣкоторыхъ вѣнскихъ газетахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Presse мы находимъ содержаніе статьи помѣщенной въ Вольномъ Словѣ отъ имени многихъ соумышленниковъ какимъ-то польскимъ эмигрантомъ, ратующимъ за примиреніе Русскаго народа съ Поляками. Планъ примиренія предложенный женевскою газетою заключается въ томъ, чтобы стереть съ лица земли Россію и основать какое-то „польско-русское государство“ оставившее конечно парламентомъ въ которомъ оба языка, русскій и польскій, были бы равноправны. Что касается официального языка, то онъ долженъ де сообразоваться съ желаніемъ большинства населенія въ каждомъ отдѣльномъ округѣ или общинѣ. Если Русское правительство согласится на предложенныя польскими эмигрантами условія примиренія, то они со своей стороны великодушно обѣщаютъ присоединить къ новосозданному государству всѣхъ Поляковъ безъ исключенія.“

Зачѣмъ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ потребовалась ссылка на вѣнскую Presse — не понимаемъ. Будто ему вдиновину печатать завѣдную ложь прямо отъ себя! Провѣрить же ложь вѣнской Presse и не повторять ее въ своей газетѣ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ имѣлъ полную возможность, такъ какъ „Вольное Слово“ ему посылается и мы не думаемъ, чтобы полиція сочла отечество въ опасности, если нашу газету будетъ читать мужъ такой заведѣтельствующей передъ всѣмъ міромъ благомыслиемъ, какою со временъ польскаго возстанія неизмѣнно отличался статеков. Катковъ.

Мы печатаемъ открытое письмо къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ нашего уважаемаго сотрудника М. П. Драгоманова. Г. Катковъ можетъ напечатать его въ своей газетѣ, такъ какъ въ немъ не заключено ничего противуцензурнаго, если только тому не противится своеобразная цензура совѣсти московскаго публициста.

Вотъ это письмо:

Милостивый Государь,

Въ № 253 Вашей газеты я встрѣтилъ извѣстіе, будто я состою редакторомъ издаваемой въ Женевѣ газеты „Вольное Слово“ и будто эта газета предложила „планъ примиренія Русскаго народа съ Поляками“, состоящій въ томъ, чтобы стереть съ лица земли Россію и основать какое-то „польско-русское государство“ и проч. Спѣшу предупредить Васъ, что Вы были введены въ заблужденіе источникомъ, изъ котораго Вы

почерпнули это извѣстіе и въ свою очередь ввели въ заблужденіе Вашихъ читателей и надѣюсь, что Вы помѣстите настоящее письмо, которое разсѣетъ это заблужденіе.

Прежде всего я вовсе не состою редакторомъ газеты „Вольное Слово“ и неоподобратно имѣлъ случай заявить, что я не издаю никакого журнала кромѣ украинскаго сборника „Громада“ съ приложеніями къ нему, каковыя мои изданія, какъ равно и всѣ свои политическія статьи въ другихъ изданіяхъ, я всегда подписываю своимъ именемъ. Газета же „Вольное Слово“ есть изданіе анонимное. Потомъ, — въ этой газетѣ точно было напечатано письмо поляка г. Дескура съ идеями, похожими на тѣ, которыя изложены въ Вашей замѣткѣ, но редакція „Вольнаго Слова“ предпослала письму этому свои возраженія, въ которыхъ признала предлагаемый великорусско-польскій дуализмъ совершенно не подходящимъ къ интересамъ населеній Россіи, среди которыхъ есть и другія племена, кромѣ великоруссовъ и поляковъ, — напр. въ области бывшей Польшы: литвины, бѣлоруссы, украинцы. За тѣмъ въ газетѣ „Вольное Слово“ печатается рядъ моихъ статей подъ заглавіемъ „Историческая Польша и Великорусская демократія“, которые именно направлены противъ всякой исключительности какъ польской, такъ и великорусской, какъ центристическаго, такъ и сепаратистическаго и дуалистическаго характера и имѣютъ цѣлью доказать, что интересамъ населеній Россіи соответствуетъ только федеративное ея устройство съ признаніемъ равноправности всѣхъ племенъ ея обитателей.

Какова бы ни была въ Вашихъ глазахъ степень основательности такихъ моихъ мнѣній, которыя я провожу во всѣхъ моихъ публикаціяхъ, я увѣренъ, Вы согласитесь, что я вправѣ желать нести отвѣтственность передъ публикою только за тѣ изданія и мнѣнія, какія дѣйствительно мнѣ принадлежатъ, а не за тѣ, какія кому либо угодно будетъ мнѣ приписать.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ мою совершенномъ почтеніи

М. Драгомановъ.

Женева. 2 октября, 1881 г.

Р. С. Покорно прошу тѣ изданія, которые перепечатали замѣтку „Московскихъ Вѣдомостей“, перепечатать и настоящую мою поправку.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

За выраженное сочувствіе русскимъ нигилистамъ на социалистическомъ конгрессѣ въ Барцелонѣ, предсѣдатель и секретарь конгресса на другой же день подвергнуты аресту.

Еженедѣльное обозрѣніе Staatssozialist, какъ извѣстно въ лицѣ профессора Вагнера управляемое Бисмаркомъ, предлагаетъ въ интересахъ массы изъять торговлю зерновымъ хлѣбомъ изъ рукъ спекулянтовъ и сдѣлать изъ нея государственную монополию.

Федеральный судъ отклонилъ, какъ безосновательную, обращенную къ нему жалобу цюрихскихъ социалистовъ на запрещеніе конгресса мѣстными властями. Рѣшеніе суда постановлено по большинству голосовъ. Меньшинствомъ же были высказаны мнѣнія, въ самомъ принципѣ несогласныя съ нынѣшней политикою федеральнаго правительства. Такъ федеральный судья, г. Бруа изъ Фрибурга, полагалъ, что „право собраний, право свободнаго выраженія мысли принадлежитъ къ числу правъ, о которыхъ даже и не разсуждаютъ. Это право естественное, такъ сказать приращенное человѣку и конституція страны ни въ какомъ случаѣ его не создаетъ, — такъ какъ оно уже существуетъ, — но лишь заноситъ въ свои постановленія и его подтверждаетъ. Понимаемое такимъ образомъ, это право принадлежитъ всѣмъ, гражданамъ кантона, проживающимъ въ немъ иностранцамъ и всякому проѣзжему или останавливающемуся только на нѣсколько дней“. Къ сожалѣнію, большинство федеральнаго суда понимаетъ свободу мысли и собраний на швейцарской территоріи, какъ исключительное право швейцарскихъ гражданъ, не смотря на то, что нѣкоторые города федерации, какъ напр., Женева, населены по преимуществу иностранцами, которые представляютъ изъ себя и мѣстную рабочую силу (итальянцы и нѣмцы) и главныхъ потребителей швейцарскихъ фабрикатовъ, безъ чего, само собою разумѣется, швейцарская республика не могла бы пользоваться нынѣшнимъ своимъ благосостояніемъ.

Въ Петербургѣ вышелъ и появился за границей 3-ій № „Чернаго Передѣла“, въ которомъ, между прочимъ, помѣщена статья П. Л. Лаврова о революціонной организаціи. Общее настроеніе неблагоприятно террористическому образу дѣйствій.

Agence russe объявляетъ, что не возможно обозначить времени, когда можетъ быть заключена конвенція по вопросу о выдачѣ, въ виду того, будто бы, что она затрогиваетъ предвѣтныя мнѣнія и національныя предрассудки извѣстныхъ конституціонныхъ странъ. Но мнѣнію этого субсидированнаго органа, слишкомъ больша поспѣшность могла бы компрометтировать дѣйствіе уже замѣчаемой реакціи.

Бернскій муниципалитетъ потребовалъ отъ правительства, чтобы оно запретило всемірному социалистическому конгрессу и всякому подобному (?) собранію открываться на будущее время въ Бернѣ. Онъ напоминаетъ, „что ст. 40 бернской кантональной конституціи даетъ право правительству принимать необходимыя мѣры къ поддержанію законнаго порядка и обязываетъ его быть на сторожѣ безопасности государства.“ Неужели Швейцарская республика до того слаба, что безопасности государства можетъ угрожать собраніе нѣсколько сотъ невооруженныхъ иностранцевъ и швейцарскихъ гражданъ?!

ПОПРАВКИ

Въ № 7 „Вольнаго Слова“, въ статью „О рабочемъ движеніи“ вкратцѣ слѣдующія ошибки: Стр. 9, столб. 2, строк. 42 послѣ слова необходимо слѣдуетъ прибавить было.

Стр. 9, столб. 3, строк. 12 снизу, вмѣсто дѣлать должно быть тамъ нѣтъ.

Стр. 10, въ примѣчаніи нужно пропустить слово лондонскаго.